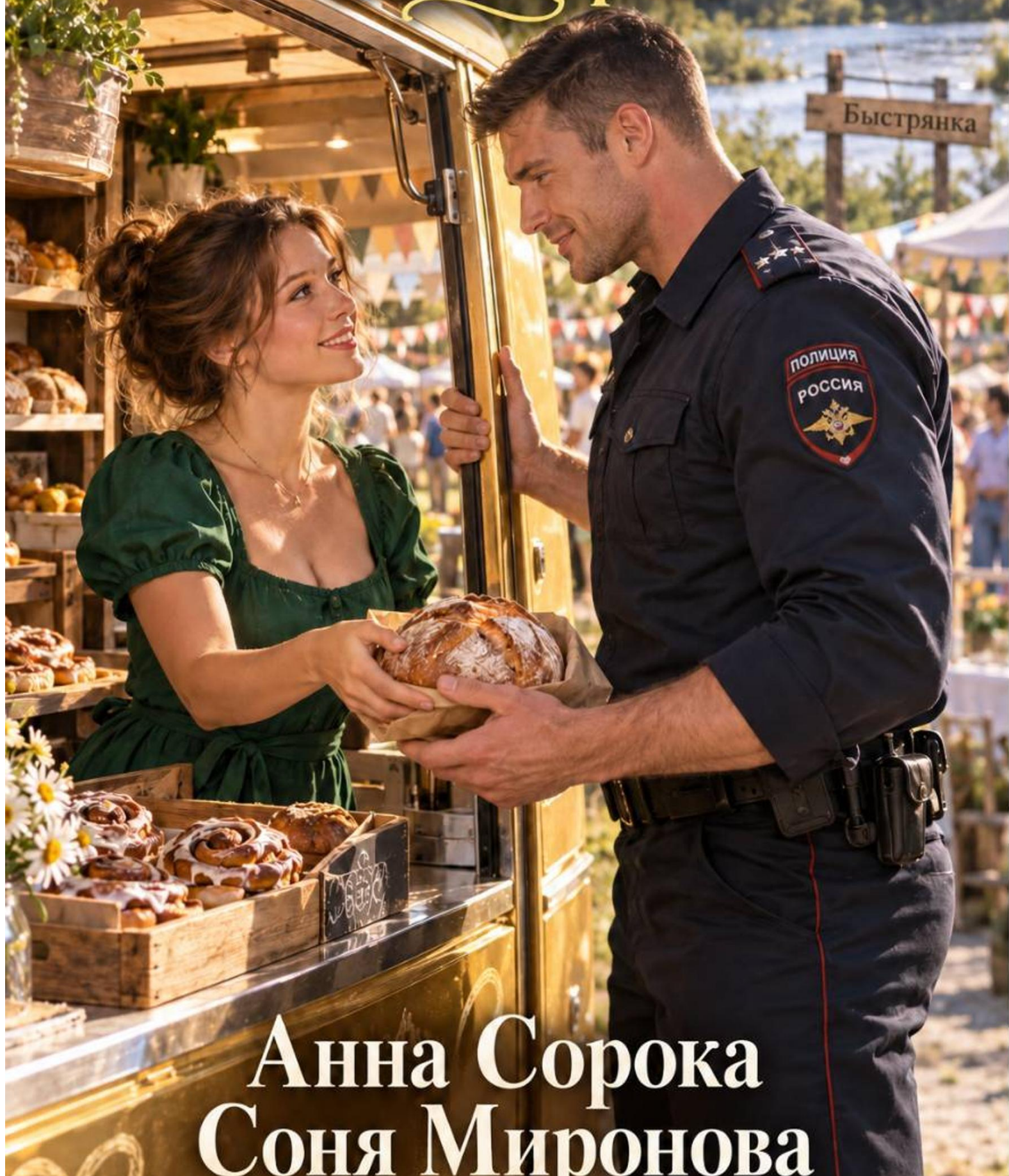

МОИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Сладкий рейс

Анна Сорока
Соня Миронова

Соня Миронова

Мой полицейский. Сладкий рейс

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Сладкий рейс / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я продала квартиру и влезла в кредит ради своей пекарни на колёсах. Теперь мой «Сладкий рейс» пахнет корицей, собирает очереди — и мешает местным рэкетирам. Они требуют треть выручки. Я отвечаю кондитерской лопаткой. Они обещают сжечь меня вместе с фургоном. На лесном мосту между мной и огнём встаёт капитан уголовного розыска Стас Войнов. Огромный, немногословный и совершенно неподкупный. Теперь он моя охрана, экспедитор и самый опасный соблазн. С ним даже рейс по деревням становится приключением, а случайное прикосновение обжигает сильнее печи. Только бандиты не отступят после одного задержания. Я собиралась отстоять своё дело. А теперь рискую ещё и сердцем.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Сорока

Мой полицейский. Сладкий рейс

Мой полицейский. Сладкий рейс

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Запах ванили, горячего сливочного масла и карамелизированного мака в пять утра на базарной площади Заозёрного казался почти святотатством. Здесь обычно пахло вчерашней соляной, подгнившей капустой и влажной речной тиной, которую тянуло с заросших берегов Быстрянки. Но стоило мне распахнуть тяжелую термоизолированную створку своего фургона, как этот тяжелый сонный дух уездного рынка растаял, уступив место празднику.

Моему празднику. Моей выстраданной свободе.

Я провела кончиками пальцев по новенькой золотистой эмали борта, где витиеватой вязью было выведено: «Сладкий рейс». Ради этой подержанной, но любовно перебранной автолавки, ради немецкой подовой печи и двух витрин с подсветкой я продала бабушкину однушку в областном центре, влезла в грабительский кредит под двадцать четыре процента и ушла из кондитерского цеха в никуда. Мне двадцать семь, у меня нет за душой ни жилья, ни мужчины, способного прикрыть от жизненных бурь, — только одна пара рабочих рук, тридцать мешков алтайской муки и упрямство, за которое меня шпыняли с самого детства.

— Ну что, ласточка, — тихо прошептала я, поправляя белоснежный колпак и туго затягивая тесемки льняного фартука на талии. — Либо мы докажем этому городу, что хлеб должен быть хлебом, либо нас с потрохами сожрут банковские пени.

Первое столкновение случилось еще до рассвета. Согласованный с дирекцией рынка пятачок у центральных ворот перекрыл ржавый прицеп с живой рыбой. Толстый заспанный детина в брезентовом фартуке, от которого за версту разило вчерашней брагой, сплюнул мне под ноги шелуху от семечек:

— Чего встала, барыня? Колеса уноси. Тут десять лет рыбный ряд стоял. Местные встанут, а пришлым пигалицам здесь не светит.

Сердце кольнуло холодком, но я лишь крепче сжала квитанцию с гербовой печатью:

— Место номер семь, оплачено до конца месяца. Прицеп мы сейчас сдвинем на метр назад, уважаемый. А чтобы спину на сырости не ломило — держите. С пылу с жару.

Я протянула ему завернутый в пергамент длинный подовый батон с хрустящим надрезом, пахнущий так, что у мужика дернулся кадык. Он ошарашенно посмотрел на золотистую корочку, шумно втянул носом воздух и неловко вытер широкую ладонь о штанину:

— Гречишный, что ли?..

— С отрубями и конопляным семенем. Поможете?

Через пять минут прицеп стоял в стороне, а рыбак Семен уже уплетал четверть буханки, довольно крякая и расхваливая мой хлеб первым челночникам с автостанции.

К восьми часам утра у фургона гудела плотная очередь. Люди соскучились по настоящей сдобе. Мои ватрушки с домашним творогом, вишневые расстегаи и слоеные коврижки разлетались быстрее, чем остывали противни. В кассе стремительно кончалась мелочь, покупатели заволновались, но я мгновенно объявила акцию «три сдобы за круглую сотню», округляя сдачу в пользу людей. Женщины брали выпечку коробками, рабочие с лесопилки сгребали горячие пироги с мясом. Железная коробочка под кассовым аппаратом на глазах наполнялась шуршащими купюрами — моим первым оборотным капиталом.

А в половине десятого солнце скрылось за душным сизым маревом, и воздух вокруг фургона словно заledenел.

Очередь испуганно смолкла и начала торопливо расплзаться. К витрине, тяжело переваливаясь, подошли двое в лоснящихся спортивных костюмах, с бритыми складчатыми затылками. Тот, что был повыше — верзила с перебитым носом по кличке Лось, — без церемо-

ний сунул грязную пятерню за стекло витрины, сгреб два круассана с шоколадом, с чавканьем запихнув половину в рот.

— Слышь, хозяйка, — прогнусавил второй, вертлявый Цыпа с бегающими крысиными глазами. — Машина справная. Только вот на нашей земле колеса крутятся. За спокойную жизнь, чтоб печка случайно не полыхнула, тридцать процентов дневной кассы на стол. Сейчас.

Лось потянулся за третьим круассаном. Внутри меня все вскипело такой яростью, что страх отступил. Тяжелая кондитерская лопатка из пищевой стали лежала под правой рукой. Короткий, точный замах — и стальное ребро со звонким щелчком опустилось точно по костяшкам пальцев Лося.

— А-а, сука! — взвыл бандит, отдергивая руку с раздавленной начинкой.

— Я плачу налоги государству, а паразитов не содержу! — отчеканила я, с силой нажимая на рычаг замка.

Бронированная створка витрины с металлическим лязгом захлопнулась прямо перед их носами.

— Ах ты тварь! — Лось выдернул из-под куртки тяжелую монтировку и с размаху вогнал кованый клык в щель окна, пытаясь выломать фиксатор с корнем. Толпа в ужасе шарахнулась: «Карташи... всё, сожгут девку...».

Створка затрещала. Я не стала кричать. Рука сама нырнула в карман фартука за баллончиком «Шок». Приоткрыв узкую форточку вентиляции на два пальца, я в упор, длинной шипящей струей вдавила ядовитое облако перца прямо в оскаленные бешеные зенки громилы. И одновременно навалилась ладонью на кнопку клаксона.

Оглушительный, яростный рев пневматического гудка фургона разорвал сонную площадь. Лось заверещал по-бабьи, выронил монтировку и рухнул на колени, раздирая лицо ногтями.

— Глаза! Цыпа, убей ее!

Цыпа в панике заметался под взглядами сбегающихся людей, схватил воющего подельника за шиворот и поволок к темной «девятке». Но у самой машины выхватил баллончик с черной нитроэмалью и жирным размашистым движением перечеркнул борт моего «Сладкого рейса» косым крестом:

— Ты труп, сука! Ночью на лесном грейдере сгоришь вместе со своими пирогами!

Машина с визгом покрышек рванула с места. По золотистому боку стекали жирные черные потеки. Торговцы торопливо сворачивали палатки, отводя глаза: «Уезжай, девка. Карташи не прощают...».

Я достала металлическую губку и принялась остервенело оттирать краску. Ни единой слезинки. Не дождутся.

— Брось тереть, дочка, краску сожжешь, — раздался тихий надтреснутый голос.

Возле фургона стояла тетя Клава — старейшая торговка соленьями. Она цепко огляделась и сунула мне в пальцы вчетверо сложенный клочок тетрадной страницы:

— В местную полицию не суйся, там дежурный под Карташами сидит. Сюда звони. Прямо сейчас.

На бумажке твердым мужским почерком было выведено: «Войнов Станислав. УГРО».

— Капитан Войнов, — шепнула старуха. — Он один в районе под ними не ходит. Честный волк. Если кто тебя прикроет — только он.

Я набрала номер с записки. Войнов выслушал меня, записал имена вымогателей и велел при новой угрозе сразу звонить ему, а до его приезда оставаться во дворе за запертыми воротами. К полудню я свернула торговлю. Нераспроданный подовый хлеб уложила в крафтовые мешки, решив отвезти его в детское отделение больницы села Бережки, где через два дня пла-

нировалась престольная ярмарка. А в три часа дня на мой телефон упало фото фургона у гаража и текст: «Выезжай. Живой из района не выпустим».

Я медленно опустила трубку. Страх пытался сдавить грудь, но я глубоко вдохнула горьковатый дух корицы из недр фургона. Я переслала фото Войнову. Он перезвонил сразу: на базарной площади его уже караулили люди Карташовых, до моего двора нужно было добираться в обход. Мы договорились, что на рассвете он встретит меня у лесопилки и пойдет за фургоном, не показываясь дозору. Нет. Я не побегу из района. В четыре утра туман над лесом самый плотный, а бандитские дозорные спят. Я залью полный бак солярки и пойду на прорыв по лесному грейдеру.

Лес встретил меня сырым предрассветным туманом, висевшим над гравийной колеей сплошным ватным одеялом. Чтобы не напороться на бандитский секрет у выездного КПП, я погасила основные фары и аккуратно пробралась через технологический проезд заброшенной лесопилки. Пост остался позади — я выиграла спасительные десять минут.

Но стоило фургону выкатиться на прямую колею тракта к селу Бережки, как в зеркалах заднего вида полыхнуло.

Тьму вспороли четыре ослепительных ксеноновых прожектора. Тяжелый черный пикап «Тойота Хайлюкс» с высоким клиренсом и стальным кенгурятником летел за мной по колее, взметая фонтаны мокрого гравия. Сердце оборвалось. Я вдавила газ в пол, дизель взвыл, автолавка задрожала всем своим пятитонным корпусом. Но тягаться тяжелому фургону с японским турбомотором было безумием.

В зеркале я различила лицо водителя. За рулем сидел лично Артур Карташов — отможенный младший брат главара района. Рядом маячила забинтованная башка Лося.

Удар!

Стальной кенгурятник с лязгом впечатался в мой задний бампер. Фургон вильнул, заднюю ось повело юзом по скользкой насыпи к вековым соснам. Ящики с выпечкой с грохотом сорвались с упоров. Пикап поравнялся с моим правым бортом, готовясь сбросить меня в глубокий овраг.

«В тяжелой машине главное — инерция», — вспомнила я отцовский наказ. И в момент, когда черный капот нацелился в крыло фургона, резко ударила по тормозам.

Пикап по инерции проскочил вперед, и мой тяжелый швеллер со скрежетом вспорол ему весь левый борт — от крыла до задней двери! Джип вильнул, теряя устойчивость, но впереди, за поворотом, туман расступился, открывая самое страшное место тракта.

Бревенчатый мост через реку Быстринку.

Узкий настил в одну колею, без перил, а внизу — ревущий на камнях ледяной поток. Артур взревел мотором, обошел меня по бровке и влетел на мост первым, развернув пикап поперек деревянного настила.

Я вжала тормоз обеими ногами. Колеса заблокировались, машина со свистом прочертила мокрые бревна и замерла в полуметре от раскученного борта внедорожника. Ловушка.

Двери пикапа распахнулись. На мост выскочили четверо: Артур с тяжелой монтировкой, Лось с топором, Цыпа с битой и боевик с железной канистрой бензина.

— Вылезай, пирожница! — заржал Артур. — Сейчас мы из тебя угольки сделаем!

Я заблокировала замки дверей и схватила с пола тяжелый разводной ключ на тридцать два. Боевик скрутил пробку и с размаху плеснул бензином прямо на капот и лобовое стекло фургона. В нос ударил удушливый запах топлива. Артур щелкнул золоченой зажигалкой — на сыром ветру заплясал желтый огонек.

Лось тем временем с рыком вскинул топор и обухом со всей дури ударил в боковое стекло кабины.

Стекло осыпалось колючими брызгами. Острый осколок полоснул меня по левой ключице, ткань блузки мгновенно намочила горячим. Лапища громилы потянулась к моему горлу.

Я не закричала. Схватив лежавший на сиденье перцовый баллончик «Шпага», я в упор вдавила распылитель прямо в его разинутую пасть. Струя геля залепила ему глаза и глотку. Лось захлебнулся и с диким воем вывалился наружу, катаясь по бревнам.

Глава 2

Артур замахнулся зажигалкой на капот. И в эту секунду лесная тьма позади взорвалась ревом мотора.

Без фар, на бешеной скорости, высекая искры подвеской, из тумана вылетела оперативная полицейская «Нива» с усиленным швеллером вместо бампера. Я перегнулась через разбитое окно и изо всех сил швырнула пятилитровый огнетушитель в лобовое стекло пикапа. Баллон пробил триплекс, сбив прицел Артура, а в следующее мгновение «Нива» на полном ходу впечаталась в переднее колесо джипа бандитов, отшвыривая тяжелую иномарку к краю обрыва!

Удар сотряс мост. Над рекой повисло шипение пробитого радиатора пикапа и клубы пара. Водительская дверь «Нивы» оказалась замята о борт джипа, но металл тут же выгнулся наружу с оглушительным треском: один сокрушительный удар тяжелого армейского берца вынес заклинившую дверь вместе с петлями.

На скользкие бревна шагнул человек.

Я замерла. Он был огромен — настоящий таежный богатырь за два метра ростом, с косой саженью в плечах под потертой брезентовой курткой. Лицо словно топором вытесано из дуба: тяжелая челюсть, резкие скулы и холодные, абсолютно спокойные серые глаза хищника.

Цыпа вскинул переделанный травматический пистолет:

— Стоять, мусор!

Войнов даже не сбавил шаг. Его правая рука слитным движением сорвала с разгрузки чугунный баллонный ключ и метнула вперед. Раздался сухой хруст костей — пистолет со звуком улетел в черную воду Быстрянки, а Цыпа с воем осел на колени, прижимая сломанную кисть.

— Дистанция пять метров. Оружие к бою неготово, — густым вибрирующим басом констатировал опер.

Боевик с канистрой бросил ее на настил и схватился за обрезок стальной арматуры. Стас нырнул под замах, перехватил его предплечье и с глухим стуком впечатал нападающего лицом в капот. Тот рухнул на настил без сознания.

В этот миг Артур Карташов зашел со спины, занося закаленную стальную монтировку прямо в затылок опера.

— Стас, сзади! — крикнула я, срывая голос.

Войнов резко вскинул левое предплечье, встречая удар на плотный брезент и пряжку разгрузки. Металл звякнул, Стас поморщился, но его правая лапища намертво сомкнулась на монтировке. Один рывок — и Артур пропахал носом мокрые бревна.

Станислав наступил берцем на кисть главара, вдавливая ее в дерево, поднял вырванную монтировку, подошел к швеллеру моего фургона и... упершись коленом, двумя руками согнул полудюймовый стальной прут плавной дугой. Словно алюминиевую проволоку.

Железяка со стуком упала перед носом онемевшего от ужаса Карташова.

— Кто здесь хотел обидеть мою девочку? — очень тихо спросил капитан Войнов. В его глазах полыхнул свинцовый холод. — В очередь становись. Я первый по списку.

Артур попытался отползти, заикаясь: «Савельев тебя сгноит...». А Лось тем временем на ощупь чиркнул зажигалкой у разлитого бензина.

— Огонь под колесами! — крикнула я.

Точный футбольный пинок армейского ботинка Войнова отправил полыхающую канистру в реку — огненной дугой она погасла в водовороте. Вторым движением Стас припечатал Лося коленом к бревнам.

Щелк! Тяжелые наручники намертво стянули запястья Артура за спиной. Войнов вздернул главаря на ноги и сдернул с его головы кепку:

— Помолчи. Статья двести девятая — бандитизм, покушение на убийство и поджог. Твой Савельев завтра первым от тебя открестится.

Все четверо нападающих лежали на мокром настиле, связанные буксировочным тросом. Бой занял меньше двух минут.

Станислав тяжело перевел дыхание и подошел к разбитому окну моего фургона. Я все еще сжимала разводной ключ, сердце колотилось о ребра. На скуле великана алела свежая ссадина, от плеч шел пар. Он снял промасленную форменную кепку, опустил огромную теплую ладонь поверх моих побелевших пальцев и мягко сжал их:

— Тихо, девочка. Всё кончилось. Опусть железяку. Я заступил на смену.

Ключ со звоном выпал из моих рук. Горячие слезы облегчения брызнули из глаз. Я смотрела в его спокойные глаза и чувствовала: за этой спиной можно выдержать любой шторм.

Рассвет над Быстринкой разгорался холодным розовым золотом. Задержанные смирно сидели на траве у насыпи, прикованные к стволу лиственницы. Лось тихо скулил, промывая глаза.

Я стояла у фургона, смывая ледяной водой кровь с порезанного плеча, когда из недр автолавки донесся протяжный писк.

Датчик холодильного ларя мигал красным: плюс десять градусов. Компрессор заглох. При таране сорвало крепление генератора, и приводной ремень разорвало в клочья. А внутри ларя лежали тридцать килограммов заварного ванильного крема на сливках и творожная масса с маком. Если начинка перегреется — партия пропадет. Это тридцать тысяч рублей чистого убытка и крах рейса в Бережки.

— Что там у тебя? — в дверях вырос Войнов.

— Ремень генератора лопнул... Холодильник встал. Крем скиснет через полчаса, Стас... Всё впустую.

Капитан нахмурился, посветил фонарем в нутро моторного отсека:

— Отставить панику, хозяйка. Пока опер на ногах — ничего не пропало.

Он подошел к своей «Ниве», достал моток сталистой проволоки, пассатижи и толстый кожаный армейский ремень с латунной бляхой. Сбросив куртку и оставшись в нательной майке, обнажавшей литые бугры мышц на широкой спине, Войнов нырнул под капот фургона:

— Держи свет сюда. Вот так.

Я подошла вплотную. Его плечо касалось моего бедра — горячее, твердое как гранит. Я видела, как вздуваются жилы на его руках, когда он ножом распускал ремень вдоль и фиксировал стык проволокой. От него пахло хвоей, чистым мылом, махоркой и той непоколебимой мужской силой, рядом с которой любая беда отступает.

— Давай зажигание!

Я повернула ключ. Дизель заворчал, ремень со свистом провернулся — и раздался спасительный гул компрессора! Лампочка сменилась изумрудным светом.

— Работает... — выдохнула я. — Господи, работает!

Стас медленно выбрался наружу, вытирая промасленные руки. На скуле чернела копоть, со сбитых костяшек пальцев сочились кровь.

— Стой смирно, богатырь, — тихо сказала я.

Достав из аптечки антисептик, я подошла к нему. Стас был выше меня на две головы; чтобы дотянуться до лица, пришлось привстать на цыпочки. Он послушно склонил голову. Мои пальцы коснулись его горячей щеки. Я бережно стерла гарь, обработала ссадину и заклеила пластырем порез на пальце. Он стоял не шевелясь, шумно дыша носом, и я чувствовала, как на его шее тяжело пульсирует тугая жила.

— Спасибо, Стас, — шепнула я, глядя в его потемневшие глаза.

— Служба такая, — хрипло отозвался он.

Я отвинтила крышку термоса, налила дымящегося чая на чабреце и душице и протянула ему еще теплую медовую коврижку:

— Пей. И ешь. Это тебе не сухпак.

Войнов сделал глубокий глоток, отломил половину коврижки — и вдруг суровый опер улыбнулся открыто и смущенно, обнажая ровные зубы:

— Вкусно как... У меня мать такие пекла, когда я пацаном был. С тех пор ничего вкуснее меда с чабрецом не пробовал.

— Значит, теперь будешь пробовать каждый день, — сорвалось у меня с языка.

Мы замолчали. В утренней лесной тишине между нами протянулась невидимая, но прочная нить.

Идиллию нарушил треск радиации на поясе Войнова:

— «Байкал-один»! Войнов, ты где? Тут сигнал прошел, на мосту стрельба. Сиди на месте, группа выехать не может — бензина нет, все машины на вызове по краже овец! Ждите до девяти утра!

Стас жестко усмехнулся, переключил тумблер на резервную волну и заговорил в тангенту:

— «Север», я «Байкал». Докладываю: на мосту Быстрянки ликвидирована вооруженная засада. Задержан Артур Карташов и трое боевиков с поличным при попытке поджога автолавки и покушении на свидетеля. Оружие изъято. Дежурка саботирует. Нужен автозак и следственная группа лично под твоим контролем, Анатолий Иванович.

В эфире повисла тишина, затем раздался бас начальника УГРО майора Зубова:

— Свидетельница цела, Стас?

— Так точно.

— Держи периметр. Лично поднимаю оперов и дежурный УАЗ. Через двадцать минут будем.

В кармане прикованного Артура зазвонил спутниковый телефон: «Денис». Войнов нажал громкую связь.

— Артур! — прорычал из динамика старший брат, главарь синдиката Денис Карташов. — Вы спалили эту суку? Почему тракт пустой?!

Станислав поднес микрофон к губам:

— Твой брат задержан за вооруженное нападение и бандитизм, Карташ. Лежит мордой в мох. Сунешься на тракт — ляжешь рядом. Время пошло.

Опер сбросил вызов и убрал телефон в пакет для улик. В районе началась открытая война.

Вскоре на мост влетели два полицейских УАЗа во главе с майором Зубовым. Боевиков перегрузили в автозак. Молодой следователь протянул мне планшет:

— Девушка, напишите: «Ехала, испугалась, нападавших не разглядела». Вам же спокойнее будет. Жить хотите?

Я посмотрела на следователя, затем на Стаса. Войнов стоял у капота «Нивы», молча ожидая моего выбора. Рука не дрогнула.

— Пишите, лейтенант, — громко произнесла я, выводя четкие буквы. — «Я, Рощина Майя Алексеевна... Заявляю о систематическом вымогательстве гражданами Лосевым и Цыпкиным по указанию Артура Карташова. Заявляю о попытке поджога фургона и вооруженном нападении...».

Я вписала каждую фамилию, каждую угрозу. Поставила размашистую подпись:

— Я прятаться не стану. Мой хлеб чистый, и бояться эту падаль я не буду.

Майор Зубов с уважением покачал головой:

— Ну и девку ты нашел, Стас... Кремень.

Когда конвой уехал, Стас залез под днище моего фургона и тяжело выдохнул:

— Дело плохо, Майя. Тормозная трубка правого контура срезана под корень, жидкость ушла. И от бокового тарана лопнул продольный лонжерон рамы у заднего моста. Своим ходом ехать нельзя.

— И что делать? На штрафстоянку ОМВД?

— Там твой фургон следующей ночью сторит дотла, — отрезал Войнов. — Карташи бутылку с бензином через забор кинут — и поминай как звали.

Он достал из багажника своей «Нивы» тяжелую жесткую треугольную буксирную сцепку из толстостенных труб:

— Сначала к тебе во двор, Рощина. На буксире, тихим сапом через перелесок. У тебя опара в пекарне поднимается, ярмарочный хлеб для Бережков спасти надо. Ты ночью выпечешь партию под моим караулом, уложим короба, а чуть свет — на этой же сцепке напрямик к Михалычу на базу за мостом. У него закрытый бокс, ворота из корабельной стали, и сам он старый волк. Раму заварит, тормоза переберет — и сразу рванем на ярмарочный тракт.

— А гостиница?... — тихо спросила я, заглядывая в его уставшие, но непоколебимо твердые глаза.

— Забудь, — отрезал Войнов. — Я твой фургон без присмотра не оставлю, а тебя — тем более. Если спрячешься — бандиты решат, что победили.

Он лично защелкнул пальцы жесткой треугольной сцепки между фаркопом «Нивы» и передней балкой «Сладкого рейса», зашплинтовал замки и проверил цепи. Фургон встал мертво: теперь он шел за внедорожником след в след, не рискуя сложиться даже на крутом спуске.

Затем Стас распахнул водительскую дверь моей кабины, помог мне подняться на сиденье и сам встал на широкую подножку. Его мощная фигура надежно заслонила утренний ветер. Он положил тяжелую ладонь на торпеду рядом с коробкой эклеров, посмотрел мне в глаза и веско произнес:

— Слушай приказ, Рощина. Одна ты больше никуда не поедешь. Твой рейс — отныне моя служебная и личная задача. Завтра выходим на маршрут вместе. Я твой второй номер, экспедитор и охрана в одном лице. Поняла?

Я посмотрела на его широкую ладонь рядом с моими пирожными. На его спокойное, надежное лицо. И впервые за долгие месяцы почувствовала, как от сердца отлегла ледяная тяжесть.

— Поняла, товарищ капитан, — тихо, но твердо ответила я.

— Руль держи прямо, на спуске не тормози — я сам вытяну сцепку на «Ниве», — выдохнул он, прыгнул на мокрую траву и занял водительское место своего внедорожника. Заурчал мотор тягача, жесткая сцепка мягко натянулась, увлекая поврежденный золотистый фургон сквозь розовый утренний туман — домой, спасти выпечку и встречать новый день.

Глава 3

Первые лучи солнца только пробивали молочный туман над Заозёрным, а арендованная летняя кухня уже гудела, как улей. Воздух был напоен пьянящим духом ванили, топленого сливочного масла и сдобной опары. На широких дубовых столах остывали свежие противни: румяные плетенки с брусникой, пышные творожные ватрушки и витые булочки с корицей, присыпанные хрустящим сахаром.

После вчерашней стычки на мосту и перебитой тормозной трубки левое плечо, оцарапанное осколком лопнувшего бокового стекла кабины, неприятно саднило под тугой повязкой. Но внутри меня пела упрямая женская радость: мы выстояли, фургон цел, а на рассвете нас ждал первый совместный рейс.

Я подхватила тяжелый тридцатикилограммовый ящик с горячими караваемми и толкнула ногой дощатую дверь. На крыльце мокрая от росы трава скользнула под подошвой кеда. Я охнула, равновесие качнулось, и лоток неминуемо полетел бы в сырую глину, если бы из пред-рассветного полумрака не метнулась широкая тень.

Сильная рука в полосатой тельняшке на лету подхватила деревянный короб снизу. Другая — широкая, горячая, пахнущая оружейной смазкой и мылом — властно обняла меня за талию, прижав к широкой, надежной груди.

— Куда рвешься, Рощина? — раздался над самым ухом низкий, чуть хриплый бас.

Стас стоял на крыльце, расстегнув ворот. На скуле темнела свежая ссадина, но серые глаза смотрели цепко и насмешливо. Мое сердце гулко стукнуло от внезапной близости, от тепла его тяжелой ладони на моем боку и от того, как легко он держал неподъемный ящик одной правой рукой.

— Я сама могу, капитан... — выдохнула я, пытаясь высвободиться, хотя колени предательски дрожали.

— Ты свое «сама» на мосту отработала, перцем им морды умыла, — усмехнулся Войнов, легко спускаясь по ступеням к распахнутым створкам «Сладкого рейса». — А тяжести таскать — работа второго номера. Отставить самостоятельность.

Он принялся задвигать лотки вглубь кузова плотными штабелями, словно ящики со снарядами на стрельбище.

— Стой, держи! — я испуганно перехватила его мускулистое предплечье. Пальцы обожгло жаром чужой кожи. — Сдобное тесто сомнется! Тут тебе не патроны, Стас. С выпечкой нежность нужна. Гляди, здесь специальные пазы на войлочных прокладках. Вот так, по направляющим...

Войнов замер, глядя на мою ладонь на своем запястье, затем на нежные верхушки ватрушек. Его суровое лицо смягчилось, губы тронула редкая, удивительно добрая улыбка:

— Понял, командир, — и его огромные ладони с ювелирной осторожностью вдвинули лоток в салазки, не повредив ни единой ягодки.

Мы почти закончили погрузку всех тридцати коробов, когда у забора скрипнула калитка. Из сирени высунулась соседка баба Нюра в линялом платке, а за ее спиной маячил местный бездельник Федор.

— Гляди, Федька! — зашипела старуха на всю улицу. — Рощина мужика себе в погонах завела, полицейским мундиром от Карташей прикрылась! Доиграешься, девка! Бандиты хату спалят, а он в город смоеся!

Федор гаденько хохотнул, сплюнув шелуху под ноги.

Я сжала кулаки от стыда и обиды, но Войнов уже неторопливо бросил ветошь на подножку и шагнул к штaketнику. Стас ступил по росистой траве тяжелым, неслышным шагом; широкая тень от его плеч разом накрыла хлипкий забор.

— Федор, — негромко произнес Стас. В утренней тишине этот тембр резал острее бритвы. — Ты ведь по весне условным сроком за комбикорм отделался? Напомнить, кто дело вел?

Федор мгновенно побелел и втянул голову в плечи.

— Еще раз услышу хоть слово в сторону Майи Алексеевны, — продолжил капитан, глядя уголовнику прямо в переносицу, — будем разговаривать в отделе. Угрозы свидетелю я мимо ушей не пропущу. И бабке своей это объясни. Вопросы есть?

— Нету, гражданин начальник... Мы ж по-соседски... — залепетал Федор, пятась и толкая онемевшую бабу Нюру. Калитка захлопнулась с паническим грохотом, а из-за забора донесся топот стоптанных калош.

Я не сдержала облегченного смеха, прислонившись к теплому золотистому борту фургона. Стас вернулся и подмигнул:

— Порядок восстановлен. Теперь проверим колеса перед дальней дорогой.

Передняя правая ступица после вчерашнего удара вызывала опасения. Заводской баллонник сорвался, стесав грань болта. Стас шагнул к своей «Ниве» и достал тяжелый кованый вороток с метровым удлинителем из стальной трубы. Навалившись плечом, он со скрежетом стронул прикипевшую резьбу и намертво протянул все шпильки:

— Теперь доедем хоть до Байкала. Где твой чайник?

В придорожную столовую ехать Стас наотрез отказался: «На заставе казенной баланды наелся». Тогда я расстелила на теплом капоте льняное вышитое полотенце, налила из термоса крепкий кофе со сливками и вынула из печи еще горячий яблочный штрудель.

Тончайшее слоеное тесто лопалось под пальцами, испуская густой пар, напоенный корицей, печеными антоновскими яблоками и сливочным маслом. Я отломила половину и протянула Стасу.

Он взял кусок обеими руками, вдохнул пряный дух и прикрыл глаза. На его лице появилось такое незащитное выражение, что у меня перехватило дыхание. Он откусил хрустящую корку, медленно прожевал, и в серых глазах затеплился свет:

— Бабушка в детстве такие пекла на хуторе. Я двадцать лет этот вкус искал... Думал, забыл насовсем.

— Мой секрет — щепотка мускатного ореха и ложка липового меда в начинку, — тихо призналась я, ощущая, как сердце тает от нежности.

Затем Стас развернул на капоте топографическую карту района:

— Через переезд не пойдем, шестерки Карташа могут караулить на развилке. Пойдем по гравийной насыпи вдоль Быстрянки, через лес. Крюк семь километров, зато безопасно. И держи рацию — настроена на мою волну. Нажимаешь тангенту сбоку.

Я спрятала станцию в карман фартука и полезла за руль. Но стоило выжать тугую передачу, как плечо прострелило резкой болью. Я охнула, выронив рычаг.

Дверца распахнулась. Ладони Войнова бережно пересадили меня на пассажирское сиденье «Нивы».

— Говорил же — второй номер на смене, — мягко проворчал он, занимая водительское место внедорожника. — Показывай дорогу на автобазу, Рощина. Потащим автолавку на жесткой сцепке: сначала к Михалычу заварить лонжерон и прокачать тормозной контур, а оттуда сразу на ярмарочный тракт.

Старая автобаза на южном выезде из Заозёрного встретила нас эхом редких ударов кувалды. Из распахнутых ворот кирпичного бокса дяди Миши — Михалыча — летели снопы золотых искр, а воздух густо пах отработанным маслом, карбидом и окалиной.

Низкая балка старых ворот грозила снести вентиляцию пекарни, а педаль тормоза после аварии проваливалась в пол.

— Стоять! — из ямы вынырнул коренастый старик в брезентовом фартуке и очках-консервах на морщинистом лбу. — Куда прешь на пустом контуре?

Михалыч стравил воздух из передних шин, опустив фургон на три пальца. Войнов плавно накатом завел машину на швеллеры смотровой ямы, отцепил буксирный треугольник от «Нивы», а механик ловко забил под задние колеса массивные дубовые башмаки. Машина замерла, как влитая.

— Переноску давай, — Михалыч нырнул под днище. Лампа в проволочной сетке выхватила раму. — Так и знал. Трещина лонжерона по живому металлу. Еще полсотни верст по ухабам — и сложился бы твой фургон пополам вместе со всеми булками.

— Стой со сваркой, Михалыч! — скомандовал Стас. — Сначала выгрузим хлеб. Не хватало еще, чтобы окалина в ватрушки полетела или выпечка гарью пропиталась.

Мы в четыре руки бережно выставили все тридцать деревянных коробов с горячей сдобой на чистый помост у стены бокса, подальше от ямы, и наглухо укрыли их чистым белым льняным пологом.

— Вот теперь порядок, — вытер руки Войнов и сбросил куртку, оставшись в тельняшке. — Варить надо намертво, дядь Миш. Чтобы никакой бандитский таран не пробил.

— Есть лекарство, — усмехнулся старик в прокуренные усы. — Трехмиллиметровый легированный швеллер от армейского тягача. Его и снарядом не погнешь.

Работа закипела. Стас держал тяжелый стальной профиль, подбивая его пудовой кувалдой, Михалыч варил ослепительной синей дугой, а я в брезентовых рукавицах сбивала шлак и прижимала мокрый брезент к раме, охраняя кузов. Когда шов остыл и металл обработали антикором, мы вернули все короба обратно на салазки — свежими, румяными, не потерявшими ни крупцы тепла.

Пока остывал металл, Михалыч поднялся по стремянке к крыше кабины:

— Держи подарок от автобата, хозяйка. Штатные фары у тебя слепые, а ночами по лесам мотаешься.

Он закрепил над лобовым стеклом блок мощных галогеновых прожекторов в стальной решетке — дальнобойную «люстру», выведя отдельный тумблер на приборную панель:

— Щелкнешь клавишу — на пятьдесят шагов вперед вспыхнет солнце. Любая нечисть на дороге ослепнет намертво, глаза ладонями зажмет.

При монтаже армированной тормозной трубки случилась беда: каленый метчик Михалыча с сухим щелчком обломился в чугунном теле заднего моста. Старик в сердцах сплюнул и грязно выругался:

— Металл каленый, сверло не возьмет! Придется мост целиком скидывать, ярмарка твоя накрылась!

— Погодите, дядя Миша! — я достала из ремонтного ящика строительный термофен и тубик графито-медной пасты для печных заслонок. — У чугуна другое расширение. Если равномерно прогреть гнездо до двухсот градусов и брызнуть охладителем в центр, обломок ослабнет.

Через десять минут направленного жара обломок метчика легко выкрутился медицинским пинцетом, сохранив резьбу в целости.

— Ну девка... — покачал головой Михалыч с искренним восторгом. — Настоящий инженер! Такую жену на руках носить надо, капитан.

Стас не ответил, но в его серых глазах мелькнула гордая, теплая искра.

Главный сюрприз механик приберег напоследок. Отогнув резиновый настил пола между печью и витриной, он вырезал люк и варил туда тяжелую крышку, обшитую титановым листом от авиационного контейнера, со скрытой внутренней задвижкой:

— Потайной бронелюк. Из автомата не пробьет. Если прижмут — ныряй сюда и закрывайся на засов. Под крышкой — стальной кессон между лонжеронами. В нем можно переждать, пока помощь подойдет. Нижняя дверца выходит под днище: если там свободно, уползешь в траву незаметно.

Михалыч показал мне дублирующий тумблер прожекторов внутри укрытия: свет на дороге можно было включить, не вылезая наружу.

Мы со Стасом залили свежую тормозную жидкость «Роса» и прокачали контуры. Педаль обрела железную упругость.

Когда фургон съехал с ямы, я потянулась за кошельком, но Михалыч отвел руку и шепнул Войнову:

— Денег не возьму. Слушай сюда, Стас: вчера на нефтебазе карташовские расспрашивали про бензовозы и заправки в Бережках. Что-то крупное мутят с топливом, хотят район за горло перехватить. Будь начеку.

Стас посерьезнел и крепко пожал руку старика:

— Спасибо, дядь Миш. Принял. Буду на связи.

А я вручила мастеру еще теплый плетеный пирог с брусникой и творогом. Старый механик бережно принял угощение обеими руками и смахнул скупую слезу:

— Спасибо, дочка... Береги ее, капитан. Такие женщины раз в жизни встречаются.

Глава 4

В полдень площадь села Бережки гудела, как растревоженный улей. Блестели начищенные медные бока самоваров, пахло сухим сеном, солеными груздями, копченой рыбой и свежей стружкой, залихватски наяживала гармонь.

Едва мы вырулили к центру, дорогу перегородил рябой ярмарочный зазывала в картузе, явно подкупленный бандитами:

— Куда прешь? Мест нет! Вали за околицу, к болоту!

Я опустила стекло, с ослепительной улыбкой сунула ему под нос квитанцию об оплате торгового сбора и нажала кнопку привода витрины. Створка плавно поднялась вверх.

Густая, теплая волна запаха корицы, топленого мака и ванили хлынула на площадь, словно сладкий шторм. Зазывала ошарашенно захлопал глазами, а люди в рядах разом повернули головы. Через пару минут перед «Сладким рейсом» колыхалась восторженная толпа.

— Батюшки, да у них хлеб еще горячий!

— А ватрушки-то, ватрушки! Сколько творога!

Внезапный порыв ветра сорвал со стойки пачку крафтовых пакетов, но рядом уже возник Стас. Во фланелевой рубашке с закатанными до локтей рукавами он на лету перехватил кульки и с широкой улыбкой встал за прилавок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.